Беседа

«Русские оказались достойными быть непобедимыми»

(Наполеон о Бородинском сражении)

К 210-летию со дня Бородинского сражения

(07.09.1812)

«Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю».

М.И. Кутузов

«Вам не видать таких сражений!...

Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел».

М. Лермонтов «Бородино»

Бородино. Победа русских

М.И. Кутузов

Александр I

Принимая решение дать сражение Наполеону, Кутузов указывал в письме к Александру I, что оно «предпринято будет со всеми осторожностями, каких важность обстоятельств требовать может». Основной смысл той осторожности, о которой писал старый фельдмаршал, состоял в том, чтобы, нанеся максимальный урон противнику, сохранить свои силы. Кутузов понимал, что главное – сохранить армию.

Избранная для сражения позиция на широкой холмистой местности была охарактеризована Кутузовым в письмах к Александру I как одна из «наилучших, которую на плоских местах найти можно». Справа она примыкала к Москва-реке, слева — к густому и труднопроходимому Утицкому лесу. Позиция была усилена инженерными сооружениями: Шевардинским редутом, Курганной батареей (или батареей Раевского) и Семёновскими (Багратионовскими) флешами. Осуществление инженерных работ на поле предстоящего сражения позволило Кутузову построить боевые порядки своих войск в глубину и скрыть от неприятеля действительное расположение своих сил и резервов.

На Бородинском поле соотношение сил сохранялось по-прежнему в пользу Наполеона. Он имел 135 тысяч солдат, преимущественно французов, прошедших длительную и суровую школу наполеоновских войн. Русская армия насчитывала 120 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ополченцев, не имевших оружия, 7 тысяч казаков, не принимавших участия в сражении, и 15 тысяч приведённых М.А. Милорадовичем за неделю до битвы необученных и необстрелянных новобранцев.

План Бородинского сражения, разработанный Кутузовым, исходил из реального соотношения сил и преследовал выполнение главных задач: ослабить противника путём вывода из строя значительной части его живой силы, подорвать его моральный дух. Достигнуть этого необходимо было ценою наименьших потерь, дабы сохранить основные силы, необходимые для продолжения войны.

Важнейшей стороной плана явилось соответствующее замыслу построение войск, их правильная группировка. Сконцентрировав две трети сил на правом фланге, Кутузов обеспечил прикрытие новой Смоленской дороги как главного стратегического направления на Москву. Весь характер диспозиции русских войск обусловливался требованием подчинить французов своему замыслу сражения. Он лишал их возможности производить необходимые фланговые маневры и заставлял

идти на фронтальные лобовые атаки по центру, в ходе которых они неизбежно должны были понести большие потери. Важной стороной плана Бородинского сражения был глубокий учёт высокого морального духа русской армии. Наконец, исключительное место в плане отводилось резервам. «Резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит ещё резерв, не побеждён», — гласила диспозиция Кутузова.

Кутузов во время Бородинского сражения

Диспозиция русских предусматривала проявление широкой инициативы со стороны командиров отдельных соединений и частей при выполнении поставленной задачи. Кутузов сосредоточил в своих руках нити управления сражением. Проявляя исключительное самообладание и веру в победу, он своевременно направлял необходимые подкрепления из резерва на те участки боя, где складывалось наиболее острое положение, обеспечивая тем самым осуществление общего замысла сражения.

Шевардинский редут, являвшийся передовым укреплением русской армии и прикрывавший подступы к главной линии русской обороны, первым принял на себя удары французов. Они атаковали редут в 2 часа дня 24 августа. Против 12-тысячного отряда защитников этого укрепления Наполеон бросил 40 тысяч человек. Напряжённый бой длился три часа. Геройски держали оборону русские воины., но, теснимые со всех сторон превосходящими силами, вынуждены были оставить редут. Однако, получив подкрепление, они перешли в контратаку и выбили французов из укрепления.

Подступы к редуту были усыпаны трупами врагов. Поздно вечером Кутузов отдал приказ оставить редут. Его защитники своим героическим сопротивлением дали возможность выиграть время, необходимое для завершения строительства укреплений. Оценивая бой у Шевардино, Кутузов писал: «Горячее дело, происходившее вчерашнего числа на левом фланге, кончилось к славе российского войска».

Когда на следующее утро, приехав на место сражения, Наполеон спросил: «Сколько взято русских пленных?», он получил почтительный, но неутешительный ответ: «Русские в плен не сдаются, ваше величество».

Наполеон во время Бородинского сражения

Утром 26 августа началась мощная артиллерийская подготовка и вслед за нею французы повели наступление на деревню Бородино, которую им удалось взять после часового боя. Однако главный удар был направлен не на Бородино, а, как и предполагал Кутузов, на левый фланг русской армии, Семёновские флеши и батарею Раевского.

Атаками на Семёновские флеши, куда Наполеон двинул свои лучшие дивизии, руководили маршалы Даву, Мюрат, Ней. Первую атаку, длившуюся свыше получаса, русские отбили, нанеся значительный урон неприятелю. Наполеон приказал направить сюда около 150 орудий. После длительной артиллерийской подготовки превосходящие силы французов вновь пошли в атаку. Несколько раз укрепления переходили из рук в руки. Подступы к флешам и сами укрепления были усеяны трупами людей и лошадей. Недовольный затяжкой сражения и просьбами маршалов о присылке подкреплений, Наполеон направляет сюда около 250 полевых орудий. Возрастает артиллерийская мощь и со стороны русских. Если в начале сражения защитники флешей имели 50 орудий, то к концу его уже 300 русских орудий обстреливали наступающих.

Генерал П.И. Багратион

Багратион решил предупредить очередной штурм французов и повёл левое крыло своей армии в штыковую атаку. Отбросив атакующих к флешам, французы успели обстрелять их из орудий. Грохот разрывов, свист картечи, крики и стоны раненых звучали над полем боя. О героизме и самоотверженности защитников флешей можно судить по донесению одного из командиров, который сообщал: «Сопротивление моей дивизии не могло быть продолжительно, дивизия исчезла не с поля сражения, а на поле сражения».

Не обращая внимания на рвавшиеся ядра и шрапнель, Багратион руководил боем. Но вот французское ядро ударило ему в ногу, смертельно ранив генерала. Узнав о ранении Багратиона, Кутузов назначил на его место достойного преемника — Дохтурова, подчеркнув необходимость «держаться до тех пор, пока от меня не воспоследует повеление к отступлению». Бросив в бой новые резервы, французы около полудня в результате восьмой атаки овладели флешами. Но, несмотря на значительное превосходство в силах и средствах, развить успех на этом направлении они не смогли. Отойдя на высоты, находившиеся за Семёновским ручьём, русские

с исключительной быстротой установили на них сильные батареи, огонь которых остановил врага.

Ранение Багратиона

К середине дня 26 августа Бородинское сражение вступило в новый этап. Всё внимание французов было сосредоточено на защищаемой частями 7-го пехотного корпуса генерала Н.Н. Раевского батарее, расположенной на высоком кургане, который господствовал над окружающей местностью, на стыке между 1-й и 2-й русскими армиями. Захват французами в начале сражения деревни Бородино позволил им вести артиллерийский огонь с удобной позиции по Курганной батарее.

Около 9 часов утра французы начали обстрел батареи, после чего их пехота и конница перешли в наступление, но, встреченные шквальным огнём русской артиллерии, отступили. Через час французы повторили штурм. У защитников редута кончились снаряды, и врагу удалось овладеть им. Однако к редуту подошли подкрепления под командой генерала А.П. Ермолова, и французы были выбиты.

Когда напряжение боя на левом фланге русской армии достигло апогея, Кутузов послал в обход левого фланга противника кавалерийский корпус Ф.П. Уварова и казаков М.И. Платова. Поначалу атака русской конницы вызвала панику в неприятельском лагере. Генерал Ермолов писал, что внезапное появление казаков «произвело общее в лагере французов движение: стремительно собиралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды. По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы, и многим из нас казалось это время отдохновением». Получив известие о рейде, Наполеон вынужден был приостановить атаки в центре и передвинуть молодую гвардию на левый фланг, что помогло ликвидировать поднявшуюся панику и стабилизировать положение.

Рейд кавалерии был отбит врагом, но он позволил Кутузову выиграть время и заставил Наполеона отказать в просьбе своим маршалам о присылке подкреплений.

Захват французами Семёновских флешей поставил защитников батареи Раевского в ещё более тяжёлые условия. Днём французы начали новую атаку редута. На этот раз они вели её не только с фронта, но и с флангов. Защитники батареи,

гвардейцы Семёновского и Преображенского полков, оказывали упорное сопротивление численно превосходящим силам врага. Раненые не уходили из строя и бились до последнего дыхания. «Мужество наших войск было неописанно, – вспоминал участник сражения Ф. Глинка. — Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг». Невозможно дать более красочное описание борьбы за редут, чем это сделал М.Ю. Лермонтов в своём «Бородино»:

Казаки генерала Платова

Сквозь дым летучий Французы двинулись, как тучи, И все на наш редут. Уланы с пёстрыми значками, Драгуны с конскими хвостами, Всё промелькнуло перед нами, Все побывали тут.

Наконец французы усилили натиск и овладели батареей. Русские отошли на новые рубежи.

Наблюдая за развитием сражения, за действиями русской армии, Наполеон понял, что ни одна из его прежних битв не может сравниться с той, что происходила на Бородинском поле. Даже в те моменты, когда французской армии удалось овладеть Семёновскими флешами и Курганной батареей, он видел, что сокрушить русскую армию ему не удалось, что, отойдя на новые позиции, она готова продолжать борьбу. Поэтому он не позволил бросить в бой старую гвардию. «Мне недолжно было, – говорил он, – прежде противников ввести в бой последние резервы. Не за 800 лье от своего основания можно действовать подобным образом».

Наполеон не решился продолжать атаки русских позиций и вернул свои войска на рубежи, которые они занимали перед началом сражения. Он понимал, что главной цели сражения – разбить, уничтожить русскую армию – он не достиг. «Из всех моих сражений, – говорил он впоследствии, – самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми. Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех».

Если Наполеону было трудно признать своё поражение на Бородинском поле и он употреблял по отношению к этому сражению такие выражения, как «полупобеда», «наименьший успех», то Кутузов справедливо рассматривал его как свою победу. «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришёл нас атаковать».

На Бородинском поле, по образному выражению генерала Α.П. Ермолова, «французская армия расшиблась о русскую». В сражении у Бородино Наполеон лишился лучшей части своей армии. 40 проц. пехоты, 57 проц. кавалерии, всего 58 тысяч человек составили его потери в этом сражении. Русская армия оставила на поле боя 38,5 тысячи человек. В результате Бородинского сражения Кутузов нанёс непоправимый удар Наполеону, надломил его армию морально и физически. Победа на Бородинском поле показала могущество и несокрушимость России. Она предопределила разгром Наполеона, освобождение народов России и Европы.

Волынкин Н.М. Бородино. Победа русских // Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет / В.В. Мавродин, Н.М. Волынкин, В.А. Ежов. – Москва : Воениздат, 1972. – С. 85–91.

Глава V БОРОДИНО

.

Во всемирной истории очень мало битв, которые могли бы быть сопоставимы с Бородинским боем и по неслыханному до той поры кровопролитию, и по ожесточённости, и по огромным последствиям.

Наполеон уничтожил в этом бою почти половину русской армии и спустя несколько дней вошёл в Москву, и, несмотря на это, он не только не сломил дух уцелевшей части русского войска, но не устрашил и русского народа, который именно после Бородина и после гибели Москвы усилил яростное сопротивление неприятелю.

Какие силы стояли друг против друга на Бородинском поле, когда занималась заря 7 сентября (н. ст.) 1812 г., одного из наиболее кровавых дней в истории человечества?

Русская армия под верховным начальством Кутузова располагала перед Бородинским сражением следующими силами. Правым крылом и центром командовал Барклай-де-Толли. Правым крылом непосредственно командовал Милорадович, в расположении которого было два пехотных корпуса: 2-й и 4-й (19 800 человек) и два кавалерийских — 1-й и 2-й (6 тысяч человек), а в общем — 25 800 человек. Центром непосредственно командовал Дохтуров, у которого был один пехотный и один кавалерийский корпус (в общей сложности 13 600 человек). Резерв центра и правого крыла состоял в непосредственном распоряжении самого Кутузова (36 300 человек), а всего на этом правом крыле и в центре с резервами было 75 700 человек. Вся эта масса войск (правое крыло и центр) носила название

«1-й армии», потому что ядром была прежняя 1-я армия Барклая. Левым крылом командовал Багратион, и так как ядром войск этого левого крыла была та «2-я армия», которой командовал Багратион до Смоленска, то и всё левое крыло, сражавшееся под Бородином, называлось по старой памяти «2-й армией», а Багратион — «вторым главнокомандующим».

Левое крыло состояло из двух пехотных корпусов (22 тысячи человек) и одного кавалерийского 3800 человек, в общем у Багратиона было 25 тысяч человек, а резервы багратионовского левого крыла насчитывали 8300 человек. Следовательно, у Багратиона в общей сложности было к началу боя 34 100 человек, т.е. в 2,5 раза меньше, чем в 1-й армии. Кроме этих регулярных войск с резервами, составлявших в общем 110 800 человек, к русской армии под Бородином присоединились 7 тысяч казаков и 10 тысяч ратников (смоленского и московского ополчения). В общем у Кутузова под ружьём было (без казаков) 120 800 человек. В его артиллерии было 640 орудий. Эти цифры даются во многих источниках. Однако цифра, даваемая Толем, несколько меньше: «В сей день российская армия имела под ружьём линейного войска с артиллерией 95 тысяч, казаков 7 тысяч, ополчения московского 7 тысяч и смоленского 3 тысячи. Всего под ружьём 112 тысяч человек; при сей армии 640 орудий артиллерии».

Энгельс в своей маленькой статье о Бородинской битве, основанной главным образом, как он сам указывает, на мемуарах Толя, признаёт, что русская артиллерия в Бородинский день была сильнее французской и стреляла более тяжёлыми ядрами (6 – 12 фунтов против 3 – 4 фунтов). Исправная работа Тульского и Сестрорецкого заводов и получение нового вооружения из Англии помогли русской армии в борьбе против технически, казалось бы, лучше снабжённого противника. Во всяком случае в 1812 г. не наблюдалось ничего похожего на позорную техническую отсталость русских войск сравнительно с французским во время Крымской кампании 1854 – 1855 гг.

К Бородину, по преувеличенным русским подсчётам, Наполеон привёл пять пехотных корпусов: 1, 3, 4, 5 и 8-й, четыре кавалерийских корпуса, старую и молодую гвардию. В пехотных корпусах было в общей сложности 122 тысячи человек, в четырёх кавалерийских — 22 500 человек, в старой гвардии — 13 тысяч, в молодой гвардии — 27 тысяч человек.

Молебен накануне Бородинского сражения

В общем у него было, по данным и исчислениям русского штаба, 185 тысяч человек и более тысячи орудий. 1-м корпусом, самым большим из пяти корпусов (48 тысяч человек), командовал маршал Даву, 3-м — маршал Ней (20 тысяч человек), 4-м — вицекороль Италии Евгений Богарне (24 тысячи человек), 5-м — князь Понятовский (17 тысяч человек), 8-м — генерал Жюно, герцог д`Абрантес (13 тысяч человек). Всей кавалерией командовал король неаполитанский Иоахим Мюрат (22 500 человек). Ближайшим начальником всей гвардии, как старой, так и молодой, считался сам император Наполеон (40 тысяч человек), он же главнокомандующий всей великой армией. Но непосредственным командиром старой гвардии был маршал Мортье, а командиром молодой гвардии — Лефевр, герцог Данцигский.

На самом же деле, по подсчётам участника и историка событий 1812 г. Клаузевица, принятым теперь военной историографией, когда Наполеон подошёл к Смоленску, у него было 182 тысячи человек, а когда он подошёл к Бородинскому полю, у него было 130 тысяч и 587 орудий. Остальные 52 тысячи были потеряны для Бородинского сражения: 36 тысяч Наполеон потерял в боях под Смоленском, на Ватутиной горе, в мелких боях и стычках от Смоленска до Шевардина, а также больными и отставшими, 10 тысяч отправил в подкрепление витебского гарнизона, 6 тысяч оставил в Смоленске.

Цифры эти даются также французскими военными историками похода, у которых после критической проверки собственно и взял их Клаузевиц.

2

Битва началась с нападения дивизии Дельзонна на деревню Бородино. Деревня была в расположении правого крыла русской армии, которым командовал Барклай. Французы вытеснили из деревни стоявших там егерей, и на берегу реки Колочи произошла очень жаркая схватка. Барклай велел сжечь мост через Колочу. Деревня осталась за французами, но это стоило очень больших потерь не только русским егерям, но и пехоте Дельзонна.

С пяти часов утра самый яростный бой завязался на левом крыле русской армии, где у Семёновского оврага стоял Багратион.

Наполеон направил сюда Даву, Мюрата и Нея, которому был подчинён корпус Жюно. Первые атаки были отбиты русской артиллерией и густым ружейным огнём. Маршал Даву упал, контуженный в голову, лошадь под ним была убита. В первых же атаках на позиции Багратиона у французов было перебито много начальников — несколько генералов и полковых командиров. Укрепления вокруг Семёновского, так называемые «Багратионовы флеши», были сделаны наспех и с технической стороны очень неудовлетворительно, но защита была такой яростной, что об эти флеши с пяти часов утра до 11.30 безуспешно и с ужасающими потерями разбивались все отчаянные нападения французов. Наполеон приказал уже к семи часам утра выдвинуть почти 150 орудий и громить этим огнём Багратионовы флеши. После долгой артиллерийской подготовки Ней, Даву и Мюрат с огромными силами (один Мюрат бросил на флеши три кавалерийских корпуса) бросились на Семёновский овраг и на флеши. Подавляющие силы налетели на дивизию Воронцова, опрокинули и смяли её, налетели на дивизию Неверовского, смяли и её тоже. Дивизия Воронцова была истреблена почти полностью, и сам Воронцов был ранен и выбыл из строя. Неверовский сопротивлялся отчаянно, и его батальоны не раз бросались в штыковой бой против напиравшей громадной массы французов.

Мюрат, Ней, Даву послали к Наполеону за подкреплением. Но он отказал, выражая неудовольствие тем, что флеши ещё не взяты.

Тогда на этом месте закипел кровопролитнейший бой. Багратион и французские маршалы несколько раз отбивали друг у друга покрытые трупами людей и лошадей Семёновские флеши. Для людей, наблюдавших в эти страшные часы князя Багратиона, хорошо знавших его натуру, помнивших всю его карьеру, в которой самое изумительное было то, что он каким-то образом прожил до сорока семи лет, не могло быть сомнений, что на этот раз третьего решения быть не может: или флеши останутся в руках Багратиона, или он сам выбудет из строя мёртвым или тяжелораненым.

Наполеон тоже не мог и не хотел отступить от своего намерения, твёрдо решив сначала прорвать русское построение с его левого фланга, а потом направить все усилия на центр.

На Багратионовы флеши император направил уже не 130 и не 150, как до сих пор, а 400 орудий, т.е. больше двух третей всей своей артиллерии.

Велено было идти на новый общий штурм флешей. Багратион решил предупредить врага контратакой.

«Вот тут-то и последовало важное событие, – говорит участник боя Фёдор Глинка. – Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и всё левое крыло наше по всей длине двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки». Русская атака была отброшена, и Даву отвечал контратакой. Французские гренадеры 57-го полка с ружьями наперевес, не отстреливаясь, бросились на флеши. Они не отстреливались, чтобы не терять момента, и русские пули косили их. «Браво, браво!» – с восторгом перед храбростью врага крикнул навстречу 57-му полку князь Багратион.

Град картечи ударил с французской батареи в русских защитников флешей.

В этот момент в Багратиона попал осколок ядра и раздробил берцовую кость. Он ещё силился скрыть несколько мгновений свою рану от войск, чтобы не смутить их. Но кровь лилась из раны, и он стал молча медленно валиться с лошади. Его успели подхватить, положили на землю, затем унесли. То, чего он опасался, во избежание чего пересиливал несколько секунд страшную боль, случилось: «В мгновение пронёсся слух о его смерти, и войско невозможно удержать от замешательства... одно общее чувство – отчаяние! – говорит участник битвы Ермолов. – Около полудня (уже после исчезновения Багратиона. – Е.Т.) 2-я армия (т.е. всё левое крыло, бывшее под начальством

Последняя контратака П. Багратиона

Багратиона. - Е.Т.) была в таком состоянии, что некоторые части её, не иначе как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок».

Сейчас, после атаки 2-й армии, отброшенной контратакой французов, Фёдор Глинка увидел у подошвы пригорка раненого генерала. Бельё и платье на нём были в крови, мундир расстёгнут, с одной ноги снят сапог, голова забрызгана кровью, большая кровавая рана выше колена. «Лицо, осмуглённое порохом, бледно, но спокойно». Его сзади кто-то держал, обхватив обеими руками. Глинка узнал его. Это и был «второй главнокомандующий», смертельно раненный Багратион. Окружающие видели, как он, будто забыв страшную боль, молча вглядывался в даль и как будто вслушивался в грохот битвы. «Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится

сомнительной. По линии разнеслась страшная весть о смерти второго главнокомандующего, и руки у солдат опустились». Багратиона унесли, и это был критический, самый роковой момент битвы. Дело было не только в том, что солдаты любили его, как никого из командовавших ими в эту войну генералов, исключая Кутузова. Они, кроме того, ещё и верили в его непобедимость. «Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека», – говорят нам свидетели.

Ярое бешенство, жажда мести овладела теми солдатами, которые были непосредственно в окружении Багратиона. Когда Багратиона уже уносили, кирасир Адрианов, прислуживавший ему во время битвы (подававший зрительную трубу и пр.), подбежал к носилкам и сказал: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне уже нет вам надобности!». Затем, передают очевидцы, «Адрианов в виду тысяч пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мёртвым».

В позднейшем донесении генерала Сен-При императору Александру взятие французами Багратионовых флешей и редутов тоже объясняется тяжкой раной Багратиона и исчезновением его, смертельно раненного, с поля. У русских было в начале нападения на Семёновское всего 50 орудий, у французов же с самого начала больше сотни. Чем больше свирепела борьба вокруг флешей, тем больше французских орудий подъезжало к маршалам, а русских к Багратиону.

Атакуемые французами пункты так быстро переходили из рук в руки, что артиллерия обеих сторон не всегда успевала приноровиться и иногда обстреливала по нескольку минут своих. Перед гибелью Багратиона и последним штурмом Багратионовых флешей этот небольшой участок поля битвы обстреливался 400 французскими орудиями и 300 русскими. Теперь Наполеон повернул эти орудия против батареи Раевского, стоявшей в центре позиций.

3

Левое крыло было сломлено. Багратион погиб. Кутузову доносили с разных пунктов битвы о тяжких потерях. Были убиты два генерала братья Тучковы, Буксгевден, Кутайсов, Горчаков. Солдаты дрались с поразительной стойкостью и падали тысячами.

«В это время кавалерийские атаки беспрерывно сменялись одна другой и были столь сильны, что войска сходились целыми массами, и потеря с обеих сторон была ужасная; лошади из-под убитых людей бегали целыми табунами», – писал очевидец генерал Никитин.

Как и под Смоленском, раненые до последней возможности терпели муки и не уходили из строя, не слушаясь офицеров, которые отправляли их в лазарет. Командный состав ничуть не уступал в этот день солдатам.

Принц Евгений Вюртембергский, находившийся в русской армии в день Бородина, передаёт поразивший его случай: генерал Милорадович приказал своему адъютанту Бибикову отыскать в разгаре битвы Евгения Вюртембергского и передать, чтобы Евгений ехал к Милорадовичу. Мы знаем из всех свидетельств, что артиллерийский грохот в течение всего этого дня был ужасающий, больше, чем при Эйлау, больше, чем при Ваграме, больше, чем в любой битве всей наполеоновской эпопеи. Даже ружейные выстрелы не были слышны, совершенно терялись в этом оглушительном орудийном громе и треске. Очевидно, Бибиков не мог прокричать Евгению то, что было велено, и он поднял руку, показывая, где находится Милорадович. В этот момент ядро оторвало у него руку. Бибиков, падая с лошади, поднял другую руку и показал снова, куда только что показывал.

Генерал Н.Н. Раевский

После взятия флешей вторым центральным моментом Бородинской битвы стала борьба за так называемую Курганную батарею, или батарею Раевского, стоявшую в центре русского фронта, между левым и правым крылом. После взятия деревни Бородино французами русские егеря выбили их, но затем сами были выбиты. Бородино осталось за французами, и тогда вице-король Италии Евгений перешёл через реку Колочу и повёл атаку на Курганную батарею. Эта центральная батарея Раевского уже с 10 часов утра подвергалась ряду последовательных атак.

Генерал Бонами штурмовым натиском овладел батареей Раевского, но был оттуда выбит русскими. Второй раз он овладел ею и второй раз был выбит. Начальник штаба 6-го корпуса Монахтин получил две раны штыком и успел ещё крикнуть солдатам перед третьим натиском французов, указывая на батарею: «Ребята, представьте себе, что это – Россия, и отстаивайте её

грудью!». В этот момент пуля попала ему в живот, и Монахтина унесли с поля битвы. (Этот полковник, тяжко израненный, прожил ещё несколько дней. Узнав, что Кутузов велел оставить Москву неприятелю, Монахтин сорвал со своих ран все повязки и вскоре скончался).

Ермолов выбил дивизию Брусье из батареи Раевского и от подступов к батарее. Раненный, исколотый штыками генерал Бонами был взят в плен. Наполеон приказал во что бы то ни стало отобрать батарею Раевского.

С двух часов дня Наполеон велел занять артиллерией те позиции вокруг Семёновских флешей, которые были отняты французами после гибели Багратиона. Страшный артиллерийский огонь с этого пункта косил русские войска. Ядра рыли землю, сметая людей, лошадей, зарядные ящики, орудия. Разрывные гранаты выбивали по десятку человек каждая. А одновременно уже не только с бывших Багратионовых флешей, но и с правого фланга французская артиллерия била по батарее Раевского и по отходившим от батареи русским войскам. Никогда до этого русские солдаты и командный состав не проявляли такого полнейшего пренебрежения к опасностям, к витавшей вокруг них и косившей их огненной смерти. Барклай (явно для всех искавший смерти в этот день) поехал вперёд, к месту, где страшнее всего был огонь, и остановился там. «Он удивить меня хочет!» — крикнул Милорадович солдатам, перегнал Барклая ещё далее по направлению к французским батареям, остановился именно там, где скрещивался французский огонь слева (от взятых уже французами Багратионовых флешей) с огнём справа (от позиций вице-короля), слез с лошади и, сев на землю, объявил, что здесь он будет завтракать. Такое отчаянное молодечество было вообще свойственно Милорадовичу.

Солдаты бросались вперёд, часто не ожидая приказа. Вот показания очевидца, рисующее наступление второй лёгкой роты гвардейской артиллерии в тот момент, когда эту роту двинули вперёд в самое страшное место, в сердцевину побоища. «Люди роты были гораздо веселее под этим сильным огнём, чем в резерве, где их даром били».

Генерал М.А. Милорадович

Наполеон во время **Бородинского сражения**

Кутузов во время Бородинского сражения

Генерал Ф.П.Уваров

Генерал М.И. Платов

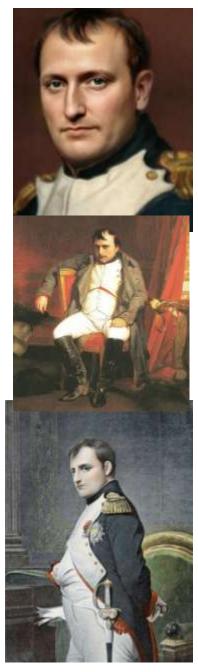
Русская артиллерия отвечала убийственным огнём. Но французский огонь всё более и более свирепел: становилось очевидно, что Наполеон решил, во-первых, добиться взятия батареи Раевского, а затем кончить дело победой в артиллерийском поединке, расстроить огнём русскую армию и обратить её в бегство. Но ничего из этого не выходило. Русская армия отодвигалась в полном порядке.

Платов с казаками и командир 1-го кавалерийского корпуса Уваров с кавалерией произвели по приказу Кутузова в самом почти тылу Наполеона большую диверсию, которая на несколько часов спасла батарею Раевского. Платов и Уваров перешли через Колочу, обратили в бегство французскую кавалерийскую бригаду, стоявшую довольно далеко от центра битвы и вовсе не ожидавшую нападения, и атаковали пехоту в тылу Наполеона. Однако атака была отбита с потерями для русских. Уварову велено было отступать, Платов был отброшен. И всё-таки этот рейд русской кавалерии не только задержал конечную гибель батареи Раевского, но и не позволил Наполеону удовлетворить хоть отчасти вторую просьбу Нея, Мюрата и Даву о подкреплении. Наполеон отвечал на эту просьбу словами, что он не может на таком расстоянии от Франции отдавать свою гвардию, что он «ещё недостаточно ясно видит шахматную доску». Но одной из причин отказа императора маршалам явилось, бесспорно, чувство некоторой необеспеченности тыла после дерзкого, смутившего французов налёта Уварова и Платова.

Тотчас после отбития налёта Платова и Уварова Наполеон велел вице-королю Евгению и части кавалерии Мюрата во что бы то ни стало штурмовать и взять батарею Раевского. Последовала атака, встреченная отчаянным сопротивлением русских. Раненые солдаты не уходили из строя, ожесточение было с обеих сторон неистовое, битва шла на самой батарее и между батареей и тем местом, где утром стоял Багратион: теперь левый русский фланг был уже сильно отодвинут сначала Коновницыным, который сменил смертельно раненного Багратиона, и потом Дохтуровым, сменившим Коновницына.

Рейд генерала Уварова по тылам французской армии

Наполеон

В начале четвёртого часа русские защитники батареи на три четверти были перебиты, остальные были отброшены. Батарея осталась за французами.

Но русские не уходили с поля битвы, и их артиллерия не умолкала. Русские ядра уже начали падать вблизи от императора и летать над его головой. Наполеон тогда приказал выдвинуть ближе к русскому огню несколько новых батарей гвардейской артиллерии. Но прошло несколько времени, и русские ядра снова начали летать над Наполеоном и его свитой. Некоторые ядра на излёте подкатывались к ногам Наполеона. «Он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки», говорит дворцовый префект де Боссэ, бывший в эти часы в свите Наполеона. Угрюмое настроение и плохо скрываемое беспокойство императора не проходили, и ни гибель Багратиона и взятие Семёновских флешей, ни победа над редутом Раевского нисколько не улучшали его настроение. Никому не рассказал Наполеон о том, что он чувствовал, когда кровавый день стал наконец потухать и солнце начало скрываться за тучами. И Боссэ, и маршалы, и свита, и непрерывно подлетавшие галопом с отчётами и за приказами адъютанты — все видели мрачное и суровое лицо властелина, но никого он не удостоил откровенности.

Наблюдал Наполеона в этот момент и французский гвардейский полковой врач доктор де ла Флиз. «Русские хотели отнять взятые редуты, но они оставили только груды тел, поражённых нашей картечью. Во всё время сражения Наполеон не садился на лошадь. Он шёл пешком со свитой офицеров и не переставал следить за движением на поле битвы, ходя взад и вперёд по одному направлению. Говорили, что он не садился на лошадь оттого, что был нездоров. Адъютанты беспрестанно получали от него приказания и отъезжали прочь. Позади Наполеона стояли гвардия и несколько резервных корпусов. Мы были выстроены в боевой порядок, оставаясь в бездействии и выжидая приказаний. Полковая музыка разыгрывала военные марши, напоминавшие победные поля первых походов революции: "Allons, enfants de la patrie!" (Марсельезу), когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не воодушевляли воинов, и некоторые старшие офицеры посмеивались, сравнивая обе эпохи. Я отдал свою лошадь солдату и пошёл вперёд к группе офицеров, стоявших за спиной императора. Перед нами расстилалось зрелище ужасного сражения. Ничего не было видно за дымом из тысячи орудий, гремевших беспрерывно. В воздухе подымались густые облака одно за другим вслед за молниями выстрелов. По временам у русских взлетали ракеты, должно быть, сигналы, но значение их для меня было непонятно. Бомбы и гранаты лопались в воздухе, образуя беловатое облачко; несколько пороховых ящиков взлетели на воздух у неприятеля, так что

земля вздрогнула. Такого рода случаи гораздо реже встречаются у нас, нежели у русских, потому что ящики у них дурного устройства. Я несколько придвинулся к императору, который не переставал смотреть в трубку на поле сражения. Он одет был в свою серую шинель и говорил мало. Случалось, что ядра подкатывались к его ногам: он сторонился, так же как и мы, стоявшие позади».

Очевидцы не могли никогда забыть бородинских ужасов. «Трудно себе представить ожесточение обеих сторон в Бородинском сражении, говорит основанная на показаниях офицеров и солдат "История лейб-гвардии Московского полка". – Многие из сражавшихся побросали своё оружие, сцеплялись друг с другом, раздирали друг другу рты, душили один другого в тесных объятиях и вместе падали мёртвыми. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью. Многие батальоны так перемещались между собой, что в общей свалке нельзя было различить неприятеля от своих. Изувеченные люди и лошади лежали группами, раненые брели к перевязочным пунктам, покуда могли, а выбившись из сил, падали, но не на землю, а на трупы павших раньше. Чугун и железо отказывались служить мщению людей; раскалённые пушки не могли выдерживать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов; ядра, с визгом ударяясь о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом. Пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на десяти разных языках заглушались пальбой и барабанным боем. Более нежели из тысячи пушек с обеих сторон сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько вёрст. Батареи и укрепления переходили из рук в руки. Ужасное зрелище представляло тогда поле битвы. Над левым крылом нашей армии висело густое чёрное облако от дыма,

смешавшегося с парами крови; оно совершенно затмило свет. Солнце покрылось кровавой пеленой; перед центром пылало Бородино, облитое огнём, а правый фланг был ярко освещён лучами солнца. В одно и то же время взорам представлялись день, вечер и ночь».

Русская пушка Отечественной войны 1812 года

Стремясь ускорить разгром и бегство русских, Наполеон приказал кавалерии (кирасирам и уланам) ударить на русскую пехоту, на корпус графа Остермана. Тяжко контуженный, Остерман выбыл из строя одним из первых, но его пехотинцы встретили атаку французской кавалерии таким огнём, что атакующие дрогнули. В этот момент на помощь пехотинцам подоспели свежие гвардейские полки (кавалергарды и конный полк), и французы были отброшены. Но затем последовал новый общий штурм батареи Раевского, французская кавалерия (саксонцы) ворвалась на батарею с тыла, а пехота вице-короля Евгения бросилась на батарею густыми массами прямо в лоб.

Наполеон

Последовало страшное побоище, русские штыками сбрасывали в ров взбиравшуюся пехоту. В плен на этот раз не брали ни с той, ни с другой стороны. Забравшись на батарею, французы перекололи всех, кого нашли там ещё в живых. Это был последний большой акт Бородинской битвы. Артиллерия продолжала греметь. Отдельные частичные конные атаки отбивались русскими. Так, польская кавалерия Понятовского была отброшена с тяжкими потерями. Речи не было не только о бегстве русской армии, но даже об её отступлении, несмотря на страшно поредевшие ряды.

Наступал вечер. Величайшая битва всей наполеоновской эпопеи шла к концу, но как назвать этот конец? Это не было ясно ни Наполеону, ни маршалам. Они на своём веку видели столько настоящих, блистательных побед, как никто до них не видел, но как назвать победой то, что произошло только что в этот кровавый день 7 сентября? Бюллетень можно было написать какой угодно. Вот что писал, например, Наполеон императрице Марии-Луизе, своей жене, на другой день после битвы: «Мой добрый друг, я пишу тебе на поле Бородинской битвы, я вчера разбил русских. Вся их армия в 120 тысяч человек была тут. Сражение было жаркое; в два часа пополудни победа была наша. Я взял у них несколько тысяч пленных и 60 пушек. Их потеря может быть исчислена в 30 тысяч человек. У меня было много убитых и раненых».

Но ведь никаких «тысяч пленных» Наполеон тут не взял: пленных было всего около 700 человек. А письма к Марии-Луизе были тоже своего рода маленькими «бюллетенями», рассчитанными на широкую огласку, и церемониться с истиной в них также не приходилось, как и в больших бюллетенях.

Чувство победы решительно никем не ощущалось. Маршалы разговаривали между собой и были недовольны. Мюрат говорил, что он не узнавал весь день императора, Ней говорил, что император забыл своё ремесло.

С обеих сторон до вечера гремела артиллерия и продолжалось кровопролитие, но русские не думали не только бежать, но и отступать. Уже сильно темнело. Пошёл мелкий дождь. «Что русские?» — спросил Наполеон. — «Стоят на месте, ваше величество». — «Усильте огонь, им, значит, ещё хочется, — распорядился император. — Дайте им ещё!».

Угрюмый, ни с кем не разговаривая, сопровождаемый свитой и генералами, не смевшими прерывать его молчания, Наполеон объезжал вечером поле битвы, глядя воспалёнными глазами на бесконечные горы трупов. Император ещё не знал вечером, что русские потеряли из своих 112 тысяч не 30 тысяч, а около 58 тысяч человек; он не знал ещё и того, что и сам потерял больше 50 тысяч из 130 тысяч, которые привёл к Бородинскому полю. Но что у него убито и тяжко ранено 47 (не 43, как пишут иногда, а 47) лучших его генералов, это он узнал уже вечером. Французские и русские трупы так густо устилали землю, что императорская лошадь должна была искать места, куда бы опустить копыто меж горами тел и лошадей. Стоны и вопли раненых неслись со всех концов поля. Русские раненые поразили свиту: «Они не испускали ни одного стона, — пишет один из свиты, граф Сегюр, — может быть, вдали от своих они меньше рассчитывали на милосердие. Но истинно то, что они казались более твёрдыми в перенесении боли, чем французы».

На 58 тысяч убитых и тяжко раненых, потерянных русской армией, пленных русских оказалось всего 700 человек... «Самое страшное из всех моих сражений — это то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми», — так говорил Наполеон уже незадолго до своей смерти.

4

Бородино оказалось в конечном счёте великой моральной победой русского народа над всеевропейским диктатором. Именно на бородинских полях начато было то неимоверно трудное дело низвержения Наполеона, которому суждено было завершиться лишь спустя три года на равнине Ватерлоо. Наполеон вечером первый отвёл свои войска с поля битвы, ещё до приказа Кутузова об отходе. Отступала русская армия от Бородина до Москвы и дальше в полном порядке. А самое главное – и тени упадка духа не было в русских войсках. Ненависть и чувство мщения были сильнее, чем до Бородина. Эти чувства, конечно, владели не всеми, но являлись бесспорно господствующими. Тут разноречий между очевидцами нет. Официальную версию о «великой победе под Москвой» французская историография заимствовала из предназначавшихся для французской публики победоносных реляций императора. Ненавидевшие Кутузова царь и его окружение, со своей стороны, охотно приняли версию о поражении русской армии

под Бородином. В этой придворной атмосфере создавались реляции таких людей, как Винценгероде. «Что бы ни говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение (Бородинское. — Е.Т.) было проиграно. Армия, а особливо левый фланг, понесли чрезвычайную потерю. Одна из причин, послуживших к проигрышу сражения, произошла, как меня уверяли, от беспорядка, поселившегося в артиллерийском парке, после того, как убили графа Кутайсова; недостаток был также и в амуниции, и не знали, где её взять», — так писал Винценгероде Александру 13 сентября 1812 г. из села Давыдовки (близ Тарутина). Ту же мысль высказывает царю в более скупых выражениях и Роберт Вильсон (из Красной Пахры) в письме от 13 сентября. Эти же тенденции отразились в работах таких военных теоретиков, как Клаузевиц или Жомини. Но интересно то, что о «поражении» заговорили уже немного спустя, когда сдана была Москва. В первый момент, вечером после битвы, сами участники боя вовсе не считали себя побеждёнными. Напротив! Был момент, когда поверили, будто Кутузов завтра будет наступать.

Но потери оказались в самом деле неслыханными, ужасающими.

Темнота окончательно сгустилась над долиной побоища, и не умолкавшие стоны и вопли раненых, брошенных на поле и французами и русскими, неслись оттуда всю ночь. И всю ночь горели огни на всех пригорках, к которым отошёл штаб Кутузова и куда собирались уцелевшие части русской армии. «Мрачную ночь, следовавшую после кровопролитного боя, употребили на то, чтобы с помощью лагерных огней, расставленных на высотах и служивших точками соединения, расположить наши войска в другую позицию», — пишет Барклай-де-Толли. Всю ночь подходили и подползали к этим сигнальным огням измученные, израненные люди; всю ночь и всё утро шли первые, приблизительные подсчёты потерь. От этих подсчётов зависело то решение, которое немедленно обязан был принять Кутузов.

Утром общая картина была ясна. Действительность оказалась страшнее самых худших опасений.

Самым кровавым сражением всей наполеоновской эпопеи считалась до Бородина битва при Эйлау 8 февраля 1807 г., и ни с какой другой битвой Бородино современники вообще и не сравнивали. Но очевидцы даже и этого сравнения не допускали. Вот что писалось через три дня после Бородина: «Все говорят, что сражение при Прейсиш-Эйлау не может

иметь с ним (Бородинским боем. – Е.Т.) никакого сравнения, потому что всё поле покрыто трупами».

В. Верещагин. «Конец Бородинского сражения»

«Под Бородином русских выбыло из строя около 58 тысяч человек, половина сражавшейся армии. От гренадерской дивизии Воронцова из 4 тысяч человек уже к трём часам дня осталось 300 человек. В Ширванском полку из 1300 человек осталось 96 солдат и трое офицеров». Были батальоны и роты, истреблённые почти целиком. Были и дивизии, от которых осталось в конце концов несколько человек. Были корпуса, больше походившие по своей численности уже не на корпуса, а на батальоны. Но у нас всё-таки, повторяем, есть ряд показаний, что вечером 7 сентября, когда ночная темнота оборвала бой, а русская армия осталась стоять на поле битвы, никто ни среди солдат, ни среди командного состава не считал сражение проигранным. Напротив, громко говорили о победе, о завтрашнем наступлении на французов... и тут лишний раз оправдалось старое изречение: побеждённым бывает только тот, кто чувствует и признаёт себя побеждённым.

Русская армия, половина которой осталась лежать на Бородинском поле, и не чувствовала и не признавала себя побеждённой, как не чувствовал и не признавал этого и её полководец. Он видел то, что никакие Винценгероде, Клаузевицы и Жомини видеть и понять не могли: Бородино окажется в конечном счёте великой русской победой.

М.И. Кутузов

Не чувствовал себя побеждённым и русский народ, в его памяти Бородино осталось не как поражение, а как доказательство, что он и в прошлом умел отстоять свою национальную независимость от самых страшных нападений, умеет это делать в настоящем и сумеет это сделать и в будущем.

Заключение

Война 1812 имела колоссальные последствия И глубокий оставила след всемирной истории. Для самой России последствия Отечественной войны также были огромны. Не морозы и не пространства России победили Наполеона: победило его сопротивление русского народа. Русский народ отстоял своё право на независимое национальное существование и сделал это с такой неукротимой волей к победе, с таким истинным, презирающим всякую шумиху героизмом, с таким подъёмом духа, как никакой другой народ в тогдашнем мире, кроме одного только испанского.

У русского народа оказалось больше физических сил и материальных возможностей, и наполеоновские полчища в шесть месяцев растаяли и погибли в России, а испанцы, несмотря на весь свой героизм (столь же бесспорный, как и героизм русский), не могли всё-таки, несмотря на огромную помощь со стороны англичан, пять лет подряд избавиться от Наполеона и избавились от него опять-таки только в 1813 г. в прямой связи с последствиями русского двенадцатого года.

Русская народная война сказалась в героизме русских солдат на полях битв с Наполеоном, сказалась в вооружённых выступлениях крестьянства против завоевателя, в успешных усилиях русских крестьян заморить голодом великую армию...

Победа двенадцатого года вызвала столько справедливой гордости, столько справедливой уверенности в себе, так потрясла сердца, вызвала такое лихорадочное возбуждение умов, что некоторые современники уверяли, будто после 1812 г. Россия стала какая-то «новая», вроде Москвы, которая делит свою историю «до француза» и «после француза».

Русский народ не есть народ обыкновенный, заговорили передовые люди России (вроде Н. Карамзина) после двенадцатого года. Из всех покушавшихся на самостоятельность России, конечно, самым грозным врагом был именно Наполеон, потому что со времён Александра Македонского и Юлия Цезаря не существовало ещё такого чудовищного могущества, сосредоточенного в одних руках. Наполеону необъятная была подчинена империя, населённая самыми разнообразными богатыми, цивилизованными народами, власть его над ними была беспредельна, его великий военный гений считался и теперь считается первым, непревзойдённым в истории человечества. И русский народ сокрушил этого великана.

Могут ли быть теперь великому русскому народу страшны фашистские хищники, поджигатели войн? «Затем ли свергли мы льва, чтоб пред волками преклоняться?» — спрашивал Байрон после падения наполеоновской империи. Затем ли русский народ победил непобедимого гиганта, чтобы через 130 лет уступить своё достояние или право распоряжаться собою ничтожным в умственном и нравственном отношении пигмеям, сильным исключительно безнаказанностью, которую до поры до времени встречает их наглость?

«Читайте историю России, это очень полезное занятие!» — настойчиво и очень разумно советовал своим соотечественникам покойный германский публицист Максимилиан Гарден в 1918 г., когда немцы так успешно, как им казалось, распространились по Украине, Крыму и Кавказу. Он очень боялся результатов этого вторжения для немцев, но берлинская военная цензура не давала ему выражаться яснее. Об этом совете забыли гитлеровцы, которых ждёт такой же позорный конец, как и империалистическую Германию Вильгельма II.

1938 г.

Бородино // Нашествие Наполеона на Россию / Е.В. Тарле. – Москва : Вече, 2021. – Глава V. – С. 145–160.

Заключение // Нашествие Наполеона на Россию / Е.В. Тарле. – Москва : Вече, 2021. – С. 329–334.

Автор-составитель беседы главный библиотекарь отдела музыкально-нотной литературы Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина Левина Елена Ивановна

